

Гулюк М. А.
кандидат ист. наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
БГУИР

Боевые действия на белорусских землях в начальный период Первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1915 гг.)

1 августа 2014 г. исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны. Она унесла жизни свыше 20 млн. человек, в том числе около 1 млн. белорусов, и изменила не только политическую карту Европы, но и течение мировой цивилизации. Эта война, первоначально охватившая 8, а впоследствии 38 государств, произвела глобальные изменения во всех сферах человеческой деятельности – от производства вооружений и методов ведения боевых действий до внедрения новых принципов социально-экономического управления. Но еще важнее было то, что колоссальные жертвы и лишения вызвали серьезные сдвиги в массовом сознании воюющих сторон, размыли религиозно-нравственные принципы миллионов людей и подорвали устои традиционного общества. Именно Первая мировая война стала точкой отсчета для XX в. и прологом всех его исторических драм.

Тем не менее, для жителей СССР, возникшего на обломках Российской империи – одной из главных стран-участниц войны – Первая мировая долгое время оставалась «неизвестной», или «забытой» войной. Это произошло по двум причинам. Во-первых, она была заслонена Октябрьской революцией 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войной. Во-вторых, согласно ленинской установке, за Первой мировой войной закрепилось определение «империалистическая», то есть «несправедливая» и «захватническая». В такой войне не могло быть ни достойных целей, ни героев, а имелось лишь «бессмысленное братоубийство» и «величайшие страдания народных масс».

Только с 1990-х гг. правда о войне, которую современники называли «Второй Отечественной» и «Великой», начинает постепенно возвращаться на страницы печатных изданий и в народную память. В Российской Федерации это происходит быстрее, в Беларуси – гораздо медленнее. На территории нашей республики, более двух лет бывшей ареной ожесточенных боев между немецкими и российскими войсками (а в русской армии сражалось около 900 тыс. белорусов), до сих пор нет ни одного воинского мемориала или музея, посвященного этим драматическим событиям. А ведь за 1914 – 1918 гг. общие людские потери Беларуси составили до 1 млн. человек убитыми и 2 млн. беженцами, из которых домой вернулось только половина... Столетняя годовщина Первой мировой войны дает нам еще одну возможность доказать, что мы не «...Иваны, родства не помнящие», а благодарные потомки, чтящие

память известных и безымянных героев, отдавших свои жизни за то, чтобы сапог оккупанта не топтал родную землю.

Беларусь вступила в Первую мировую войну как часть Российской империи. В советской историографии господствовало мнение, что в развязывании войны в равной степени виновны практически все страны-участницы. Этот тезис опирался на хлесткое ленинское замечание о том, что «...два разбойника <Германия и Австро-Венгрия – М.Г.> напали раньше, чем трое <Великобритания, Россия, Франция> успели получить заказанные ими новые ножи» [9, с. 122]. Царской России, в частности, ставились в вину территориальные притязания на Босфор и Дарданеллы, Галицию, а также попытка установить свою гегемонию на Балканах. На самом деле, эти обвинения не соответствуют действительности.

Главным виновником Первой мировой войны была кайзеровская Германия. Уже с конца XIX в. она стала вынашивать планы на европейское и мировое господство. Германия хотела раздавить Францию и превратить ее во второразрядную державу, отняв пограничные территории и большинство колоний. Англичан Германия намеревалась вытеснить с Ближнего Востока и Африки. Но особенно масштабными были притязания Германии к России. У нее планировалось отнять Финляндию и Прибалтику, Польшу, все белорусские и украинские земли, Крым, а также Кавказ. По существу ставилась задача отбросить Россию в допетровские времена, что не скрывал и Вильгельм II. Он неоднократно высказывался о неизбежности общеевропейской войны германцев против славян [2, с. 69 – 71; 8, с. 261].

Мысль кайзера получила и теоретическое обоснование. Так, начальник Исторического отдела германского Генштаба, генерал и историк Ф. фон Бернгарди заявлял: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в человеческой среде естественного закона... борьбы за существование. ... Нации должны прогрессировать или загнивать, поэтому Германия должна выбрать между мировым господством или падением...» [11, с. 49].

На отнятых у России территориях должны были появиться марионеточные государства, полностью зависимые от Германии как политически, так и экономически. Этот «остроумный» план немецких интеллектуалов и промышленников по созданию германских полукolonий в центре Европы получил название *Mittleuropa*, т.е. «Срединная Европа». Его активно поддерживал рейхсканцлер Б. фон Бюлов, а затем Т. фон Бетман-Гольвег.

Захватнические цели преследовала и Австро-Венгрия, желавшая аннексировать Сербию и Черногорию, а также отрезать от России часть украинской и польской территории. Именно Австро-Венгерское правительство, подталкиваемое Германией, предъявило Сербии заранее неприемлемый ультиматум, чтобы затем стереть ее с политической карты Европы. Неслучайно

Вильгельм II, узнав о Сараевском убийстве, заявил австрийскому послу в Берлине: «Теперь, или никогда».

Неодинакова была и вина стран Антанты в развязывании войны. Франция готовилась к реваншу, чтобы вернуть Эльзас и Лотарингию. Поэтому в уставе ее сухопутных сил был предусмотрен только один вид боевых действий – наступление. Великобританию крайне беспокоила стремительно растущая мощь Германской империи, подорвать которую могла лишь затяжная война в Европе. Поэтому английская дипломатия прилагала тайные усилия для того, втянуть Германию в такую войну, предварительно укрепив ее противников. Одновременно Великобритания давала понять Германии, что останется нейтральной в будущей войне на континенте [7, с. 19].

Что касается России, то она до последнего момента надеялась избежать войны. У нее были серьезные противоречия с Германией. Прежде всего, российское правительство было озабочено германской экономической экспансией. К 1914 г. на долю Германии приходилось 49,6 % внешнеэкономического оборота России, в то время как на Англию – 13,3 %, а на Францию – 4,6 %. В России временно проживало 170 тыс. германских и 120 тыс. австро-венгерских подданных (инженеров, банкиров, промышленников), а французов и англичан – только 10 и 8 тыс. человек соответственно.

Кроме того, в России до 1914 г. жило около 1,6 млн. этнических немцев – российских подданных – причем не только в Поволжье и Прибалтике. На Волыни, примыкавшей с юга к Минской и Гродненской губерниям, проживало 200 тыс. немцев-колонистов, а в Сувалкской губернии (находилась на северо-западе от Гродненской) – еще 20 тыс. В белорусских губерниях этнических немцев было не более 4 – 5 тыс., но в русской Польше их число достигало 600 тыс. человек.

Широкомасштабное присутствие германского капитала и большое количество немцев в России вынуждали правительство искать мирное решение российско-германских противоречий. Россия не имела и территориальных притязаний к соседям, потому что в ходе Венского конгресса 1815 г. ее западная граница была проведена так, как настаивал Александр I. Более того. Именно Николай II в 1898 г. предложил ограничить гонку вооружений и создать особый международный суд для мирного разрешения государственных конфликтов. Следствием этого предложения стали две международные конференции в Гааге (1898 и 1907 гг.), завершившиеся созданием Гаагского трибунала. О том, что намерения Николая II были вполне искренни, говорит то, что до августа 1914 г. пропаганда войны в российской армии, в отличие от германской или французской, была запрещена под страхом уголовного наказания. К тому же царь прекрасно помнил, что революция 1905–1907 гг. началась именно после неудачной войны с Японией [2, с. 72; 3, с. 183; 6, с. 28].

Вступить за сербов, объявив всеобщую мобилизацию, заставили Россию не только имперские амбиции и боязнь окончательно потерять статус великой державы. Около 90 % российского хлебного экспорта шло через ее

южные порты. Поэтому для России было крайне необходимо обеспечить свободное плавание своих судов через черноморские проливы. В случае аннексии Сербии политическая ситуация на Балканах резко изменилась бы и владевшая проливами Османская империя – давний враг России – примкнула бы к австро-германскому блоку. Это влекло закрытие проливов и огромные экономические трудности для России.

Самое же главное – Россия объявила мобилизацию, но не войну Австро-Венгрии, хотя в это время австрийская артиллерия уже обстреливала Белград. Войну объявили России, вынудив ее защищаться: 1 августа 1914 г. – Германия, не имевшая для этого никаких поводов, кроме российской мобилизации, а 6 августа – Австро-Венгрия. 29 октября 1914 г. на Россию без объявления войны напала Турция, начав боевые действия с обстрела российских портов и потопления мирных судов в гаванях.

Таким образом, «захватнические цели», в которых обвиняли царскую Россию: аннексия австрийской и немецкой Польши, Галиции со Львовом, Босфора и Дарданелл – возникли уже в ходе войны и были продиктованы либо жизненно важными экономическими интересами, либо панславянскими идеями (в некоторых случаях равнозначных славянской солидарности). Любопытно, что советские историки деликатно обходили молчанием еще одну цель – отобрать у Германии нижнее течение Немана, чтобы обеспечить российскому лесу и хлебу беспрепятственный доступ в Балтийское море. Подобное «невнимание» объяснялось желанием избежать параллелей со сталинской внешней политикой, которая после окончания Второй мировой войны добилась уничтожения гнезда германского милитаризма – Восточной Пруссии, разделив ее между СССР и ПНР.

С первых дней войны белорусские губернии вошли в зону действия Ставки Верховного Главнокомандования российской армии и были объявлены на военном положении. На их территории произошла частичная милитаризация труда, чего не осмелилось сделать правительство в зоне тыла. В прифронтовых губерниях запрещались забастовки и демонстрации, а дела о бунтах против властей рассматривал военно-полевой суд. Все железнодорожники прифронтовой полосы проходили проверку на политическую благонадежность, в каждом депо был создан резерв из машинистов, телеграфистов и квалифицированных рабочих. Население прифронтовых территорий в массовом порядке привлекалось для оборонительных работ, но они оплачивались уполномоченными Ставки, причем по высоким тарифам, как и большинство реквизированного для нужд армии имущества и продовольствия.

Местом для Ставки Верховного Главнокомандования российской армии выбрали Барановичи – крупный железнодорожный узел на пересечении Московско-Брестской и Полесских железных дорог. Здесь, в лесу, на тихой окраине, в дюжине вагончиков разместились великий князь Николай Николаевич (старший) – со 2 августа 1914 г. Верховный Главнокомандующий, 9

генералов и 36 офицеров Ставки, 12 военных чиновников. При них находилось 150 человек охраны [8, с. 256 - 257].

Жизнь в Ставке протекала тихо и размеренно, без того нервного умственного напряжения, с которым работали в штабах противника. На передовую Верховный Главнокомандующий и его адъютанты выезжали редко, а телефонную связь провели в Ставку лишь в октябре 1914 г. В вагончиках же разместить Ставку предложил начальник Генштаба Н.Н. Янушкевич – бывший профессор Военной академии, лично не участвовавший ни в одной войне. По его мнению, это должно было подчеркнуть «походный» характер Ставки и символизировать быстрое завершение войны. На оперативных совещаниях Николай Николаевич отвлекался и не вникал в детали операций, которые разрабатывали его помощники – Н.Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов, а иногда и вовсе отсутствовал. Н.Н. Романов – внук Николая I и дядя Николая II – истово ненавидел немцев, но штабная работа навевала на него сон. Великий князь предпочитал ей публичные «нагоняи» штатским чиновникам и многочасовые молитвы о даровании скорой победы. Только когда в Барановичи прибывал царь, Главнокомандующий вместе с ним на день-два отправлялся на театр боевых действий [5, с. 39 - 42].

Белорусские губернии находились в полосе военных действий Северо-Западного фронта, который был развернут против Германии. Сражения на нашей земле начались летом 1915 г. Но дыхание войны Беларусь почувствовала уже в середине августа 1914-го, когда спасая союзников от катастрофы (на 33-й день войны немцы стояли в 30 километрах от Парижа), две русские армии под командованием А.В. Самсонова и П.К. Ренненкампа вторглись в Восточную Пруссию. В результате бездарных, а порой халатно-преступных действий российских военачальников 2-я армия Самсонова была окружена и практически полностью уничтожена, а 1-я российская армия понесла огромные потери и к сентябрю 1914 г. была отброшена за Неман [4, 11].

Общие потери российских войск в Восточно-Прусской операции 1914 г. составили 330 тыс. человек пленными, убитыми и ранеными, причем это были лучшие, кадровые и гвардейские части. Однако ценой героического самопожертвования (войска бросили в наступления без бензина для аэропланов, фуража для лошадей и провианта для солдат) Франция была спасена и немецкий план «молниеносной» войны сорван. Война на два фронта стала реальностью для Германии.

В сложившейся ситуации немецкий Генштаб решил перенести центр тяжести вооруженной борьбы против России. Он считал, что русские не смогут устоять против всей мощи Центральных держав и в скором времени заключат сепаратный мир. С февраля 1915 г. Восточный фронт стал главным для Германии [4, 7].

В свою очередь Россия, подталкиваемая союзниками, зимой 1915 г. готовила новое наступление в Восточной Пруссии. К этому времени из 5,5 млн.

солдат, мобилизованных в начальный период войны, российская армия уже потеряла 1,35 млн. человек, а материально-техническое снабжение войск так и не было налажено. Лишь 7 из каждых 10 солдат имели винтовки, полевая артиллерия была снабжена снарядами на 20 % от нормы, а тяжелые гаубицы – на 5 %. Однако Ставка не только позволила распылить силы по двум направлениям – Восточно-Прусскому и Венгерскому, но и фактически самоустранилась от подготовки наступательных операций [2, с. 64; 4, с. 139].

Немецкое командование узнало о планах русских и в середине февраля 1915 г. нанесло опережающий удар в районе г. Августов (в 70 км к западу от Гродно). В Августовских лесах был окружен 20-й армейский корпус 10-й русской армии Ф.В. Сиверса. В течение десяти суток этот корпус – без отдыха и сна, по грудь в снегу – под командованием генерала П.И. Булгакова пытался пробиться из окружения к Гродненской крепости, отбивая атаки втрое превосходившего его по численности противника. Только израсходовав все боеприпасы, 20-й корпус вынужден был сдаться. Но своей героической борьбой он позволил трём другим корпусам 10-й армии избежать окружения и к марту 1915 г. отойти на новый рубеж обороны по линии Ковно – Осовец.

Оборона крошечной крепости Осовец, расположенной на северо-западе Гродненской губернии, стала еще одной героической страницей Первой мировой войны. Эта крепость, расположенная в 100 км от Гродно, среди непроходимых болот, прикрывала с запада крупный транспортный и промышленный центр Белосток. Взятие ее открывало немцам дорогу на Гродно и Вильно, Минск, а далее на Москву.

Оборона крепости Осовец, которой руководил выпускник Полоцкой военной гимназии генерал-майор Н.А. Бржозовский, длилась с сентября 1914 по август 1915 г. Гарнизон крепости выдержал три генеральных штурма, в ходе которых противник использовал новейшую технику: осадные мортиры «Шкода» калибра 305 мм. и «Большая Берта» (калибр 420-мм., стреляла 800-килограммовыми снарядами, проламывавшими двухметровые железобетонные перекрытия), а также аэропланы. Во время третьего штурма 6 августа 1915 г. немцы применили отравляющие газы, но крепость взять так и не смогли. Более того, остатки 13-й роты 226-го Землянского пехотного полка, оборонявшие передовые позиции крепости – около 60 человек под командование подпоручика В. Котлинского, – пережив газовую атаку, обратили в бегство часть 18-го ландверного полка противника [8, с. 393].

Только в связи с резким ухудшением стратегической ситуации на фронте по приказу российского командования 18 августа 1915 г. гарнизон Осовца приступил к эвакуации. Она была завершена 23 августа 1915 г. Части, оборонявшие крепость почти год, организованно отошли к Белостоку и Гродно, сохранив тяжелую артиллерию, а саперы взорвали все фортификационные сооружения и подожгли крепостные постройки.

2 мая 1915 г. немецко-австрийские войска под командованием А. фон Макензена начали крупномасштабную наступательную операцию в Карпатах, получившую название «Горлицкий прорыв». В ходе этой операции российские войска были вынуждены оставить всю Галицию, потеряв только пленными 500 тыс. человек. Развивая успех, Макензен вторгся на Волынь и в августе подошел с юга к Брест-Литовску, приготовившись к штурму города и его крепости.

Построенная в 1836 – 1842 гг. и модернизированная по проекту Э.И. Тотлебена в 1864 – 1888 гг., огромная для своего времени Брест-Литовская крепость имела площадь 4 км² и была окружена системой фортов с оборонительной линией длиной 32 км. В 1913 г. началась вторая модернизация крепости, рассчитанная до 1921 г. В ней принимали участие ведущие военные инженеры России, в том числе капитан Д.М. Карбышев. С началом войны на строительных работах ежедневно трудилось по 70 000 человек и около 8 500 подвод, поэтому к октябрю 1914 г. новые крепостные позиции уже приобрели законченный вид.

В июле 1915 г. командование Брестской крепости, обеспокоенное ситуацией на фронте, установило проволочные заграждения и заминировало ближние подступы к ней. На Совете обороны, созванном комендантом В.А. Лаймингом, было признано, что крепость может выдержать оборону в течение восьми месяцев. Но высшее командование признало эту оценку слишком оптимистичной, так как гарнизон крепости состоял в основном из ополченцев. Учитывая угрозу обхода крепости австро-немецкими войсками, было принято решение оставить ее и взорвать укрепления.

8 августа 1915 г. началась эвакуация крепости и к 12 августа вооружение, боеприпасы и имущество были вывезены. Но разрушить удалось лишь укрепления северо-восточного сектора, а остальные форты и цитадель крепости пострадали незначительно. Вместе с армией Брест, по приказу командования, 12–13 августа 1915 г. покинуло и почти все население города.

Одновременно с «Горлицким прорывом» германские войска под командованием П. фон Гинденбурга начали наступление в Прибалтике. Для российских армий в Польше возникла реальная угроза попасть в «клещи» между двумя группировками германских войск, наступавшими из Восточной Пруссии и Галиции. Разгадав замысел немцев, командующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев в июле 1915 г. начал отвод российских войск из Польши. При этом союзники, спасенные Россией в августе 1914 г. на Восточном фронте, ничего не сделали, чтобы выполнить свои обязательства перед ней и в свою очередь провести какую-либо отвлекающую операцию на Западном фронте [4, с. 323].

Отпор немцам, наступавшим в Прибалтике, планировалось дать в районе Ковно (Каунаса). Однако комендант Ковенской крепости генерал В.Н. Григорьев после первого же штурма, закончившегося падением одного из фортов, бежал. Оставшись без командования, первоклассная крепость, имев-

шая 55-тысячный гарнизон, 16 аэропланов, два бронированных парохода и 1 375 орудия, сопротивлялась еще неделю, но 21 августа 1915 г. сдалась. Наши потери убитыми и ранеными составили 25 тыс. человек, но главное – врагу был открыт путь за Неман [1, с. 314 – 326; 8, с. 292 - 300].

3 сентября 1915 г. русские войска оставили Гродно. Бои за город и его крепость продолжались с 31 августа по 3 сентября. В предвоенных планах российского Генштаба Гродненской крепости отводилась значительная роль. Она находилась на линии стратегического развертывания и вместе с крепостями Ковно и Двинск (Даугавпилс) должна была прикрывать Северо-Запад России, в том числе С.-Петербург. Однако строительство Гродненской крепости началось только в 1912 г.

К осени 1914 г. Гродненские укрепления могли считаться крепостью лишь номинально, так как ни один из 9-ти ее фортов не был закончен даже на треть. Тем не менее, крепость имела коменданта (генерал-лейтенант М.Н. Кайгородов) и гарнизон (три полка 26-й дивизии). В сентябре 1914 г. Гродненская крепость была объявлена опорным пунктом русской армии и до весны 1915 г. играла важную роль в формировании воинских частей для Северо-Западного фронта. К августу 1915 г. артиллерийское управление крепости (начальник – генерал-лейтенант В.М. Криштафович), располагало 700 орудиями, но ее гарнизон с началом войны был заменен ополченцами. Резкое ухудшение ситуации в Прибалтике заставило М.В. Алексеева в конце августа 1915 г. отдать приказ об эвакуации и этой крепости. После трехдневных боев она была взорвана отступающими войсками.

Получив оперативный простор после взятия Ковно, 10-я германская армия генерала Г. фон Эйхгорна, усиленная гвардией и 23-м армейским корпусом, повела наступление в междуречьи Вилия и Немана. Она стремилась обойти Вильно (Вильнюс) и окружить главные силы 10-й русской армии генерала Е.А. Радкевича. Во встречных боях, продолжавшихся до начала сентября, русские войска нанесли противнику большой урон и смогли удержать район Вильно. Тогда немцы изменили план наступления и ударили в стык Западного (10-я армия Радкевича) и Северного (5-я армия генерала П.А. Плеве) фронтов, в направлении Свенцяи. Там образовался разрыв, прикрытый лишь незначительными казачьими отрядами [3, 4].

9 сентября 1915 г. 6-й кавалерийский корпус генерала О. Гарнье (7 тыс. сабель), севернее Вилькомира прорвал русскую оборону и начал глубокий рейд по тылам 5-й и 10-й армий. Вслед за корпусом Гарнье в прорыв были брошены еще две конно-егерские дивизии. Немецкая кавалерия прорвалась к Свенцяи, 14 сентября захватила Вилейку, в районе Сморгони вышла к железной дороге Молодечно – Полоцк. 19 сентября немецкие разъезды появились у станции Смолевичи и перерезали дорогу Минск – Смоленск. В русских тылах нарастала паника. Для того чтобы не допустить окружения, 21 сентября 1915 г. 10-я российская армия оставила Вильно.

Для ликвидации Свенцянского прорыва российское командование срочно перебросило к району Сморгони и Молодечно 6 армейских и 1 кавалерийский корпус, сформировав из них 2-ю армию (командующий генерал В.В. Смирнов). В боях на подступах к Молодечно 14 – 16 сентября германская кавалерия была остановлена и отступила к Свенцянам. 25 сентября для прикрытия полоцкого направления была создана 1-я российская армия А.И. Литвинова. К 2 октября 1915 г. 1-я и 2-я армии соединились и Свенцянский прорыв был ликвидирован. Фронт на территории Беларуси стабилизировался на линии оз. Дрисвяты. – оз. Нарочь – Сморгонь – Барановичи – Пинск.

Со Свенцянским порывом связан еще один подвиг наших воинов – оборона Сморгони. Этот город был занят противником 15 сентября 1915 г. после 8-ми часового боя. Но уже 20 сентября в штыковой атаке 10-й Сибирской стрелковой и 25-й и 68-й пехотных дивизий немцы были выбиты из Сморгони. Враг предпринял ряд отчаянных контратак, но 24 сентября на помощь российским частям в город подошел Гвардейский корпус (24 тыс. штыков и 1080 сабель, 145 орудий и 5 аэропланов). Так началась оборона Сморгони, длившаяся 810 дней и ночей [10].

В ходе боев Сморгонь была полностью разрушена и получила от защитников название «мертвый город». Здесь родилась поговорка: «Кто под Сморгонью не бывал, тот войны не видал». Для того, чтобы овладеть городом, немцы применили отравляющие газы (и ходили в атаку в противогазах, добывая наших отравленных воинов штыками и дубинами, утыканными гвоздями), использовали аэропланы и минные подкопы, но взять Сморгонь так и не смогли.

Под Сморгонью воевали будущие маршалы Советского Союза Р.Я. Малиновский (пулеметчик 256-го Елисаветградского полка) и Б.М. Шапошников (командир 16-го Мингрельского гренадерского полка), будущий маршал авиации белорус С.А. Красовский и писатель Михаил Зощенко (штабскапитан 16-го полка). Александра Толстая, дочь Л.Н. Толстого, заведовала полевым госпиталем, находившимся в имении Залесье под Сморгонью. Здесь же в июле 1917 г. состоялась последняя, героическая, но бесполезная атака российской армии с участием женского «батальона смерти» под командованием Георгиевского кавалера, поручика Марии Бочкаревой....

К октябрю 1915 г. на рубеже трех полесских рек: Ясельды, Стыри и Стрыпы были остановлены австро-германские войска и на Юго-Западном фронте. Это значило, что планы германского Генштаба устроить «вторые Канны» (окружить и уничтожить российские войска), провалились. «Великое отступление» русских армий 1915 г. закончилось. Ценой огромных усилий и жертв (потеря 15 % территории и 25 % промышленности, 6 - 10 млн. беженцев, более 4 млн. убитых, пленных и тяжелораненых) России удалось стабилизировать фронт на всем протяжении от Риги до румынской границы и похоронить надежды Центральных держав на быстрое окончание войны. Флот

Германии, потерпев ряд поражений от англичан, был заперт в немецких портах, а ее военная промышленность работала на пределе. Нехватка продовольствия заставила ввести в стране карточную систему. Поэтому с лета 1915 г. руководство Германии стало зондировать возможность заключения сепаратного мира с Россией. Но российское правительство, верное союзническим обязательствам, отвергло эти предложения.

Список источников и литературы

1. Аккерман, П.А. В штабе дивизии /П.А. Аккерман // Голос минувшего. – 1918. – № 4-6. – С. 311 – 330.
2. Брусилов, А.А. Мои воспоминания /А.А. Брусилов. – М.: Воениздат, 1983. – 256 с.
3. Воспоминания Сухомлинова / с пред. В. Невского. – М.: Госиздат, 1926. – 334 с.
4. Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне / Н.Н. Головин. – М.: Кучково Поле, 2001. – 440 с.
5. Данилов, Ю.Н. На пути к крушению / Ю.Н. Данилов. – М.: XXI век –Согласие, 2000. – 400 с.
6. Деникин, А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин. – Мн.: Харвест, 2003. – 464 с.
7. Куль, Ганс. Воспоминания мирного времени и опыт войны / пер. с нем. / Г. Куль. – Типо-литограф. Воен. Академ. РККА, 1923. – 39 с.
8. Лемке, М.К. 250 дней в царской ставке. 1914 – 1915 / М.К. Лемке. – Минск: Харвест, 2003. – 448 с.
9. Ленин, В.И. Русские Зюдекумы / В.И. Ленин. – Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – Т. 26. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – С. 119 – 125.
10. Лигута, В.Н. 810-дневное сражение за город Сморгонь в 1915 – 17 годах / В.Н. Лигута // Последняя война Российской империи. Матер-лы междунар. научн. конференц. Москва, 7 – 8 сентября 2004 года / ответ ред. В.П. Козлов. - М.: Наука, 2004. – С. 295 – 299.
11. Такман, Барбара. Первый блицкриг / пер. с англ. / Б. Такман. – М.: АСТ, 2002. – 635 с.